

АРМЕН ГАСПАРЯН

РУССКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

БЕЛЫЕ ОТ РОСТОВА ДО ПАРИЖА

Книги Армена Гаспаряна

Армен Гаспарян

**Русская контрреволюция.
Белые от Ростова до Парижа**

«Питер»

2018

УДК 355.48
ББК 63.3(0)62

Гаспарян А. С.

Русская контрреволюция. Белые от Ростова до Парижа /
А. С. Гаспарян — «Питер», 2018 — (Книги Армена Гаспаряна)

ISBN 978-5-4461-0567-0

Русская контрреволюция. Белогвардейцы. Во всей нашей истории XX века нет более мифологизированной темы. Кто же они? Подлинные герои или грабители и убийцы? Люди, проявившие военную доблесть, или военные преступники? Оба образа далеки от реальности. Понятная и привычная для нас история гражданской войны превращается в толком никому не известную, парадоксальную историю русской контрреволюции. К чему в действительности стремились белые правительства? Как управляли подконтрольной им территорией, строили взаимоотношения с церковью, организовывали антибольшевистское подполье и находили союзников в лице иностранных интервентов? Новая книга известного журналиста, историка и писателя Армена Гаспаряна посвящена столетию русской контрреволюции — «Второй русской смуте», еще более кровавой.

УДК 355.48
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-4461-0567-0

© Гаспарян А. С., 2018
© Питер, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Штурм Зимнего дворца	7
Глава 2. Анафема патриарха Тихона	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Армен Гаспарян
Русская контрреволюция.
Белые от Ростова до Парижа

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Серия «Книги Армена Гаспаряна», 2019

© Обложка, А. Гуриненко, 2019

* * *

Предисловие

Русская контрреволюция. Белогвардейцы. Во всей нашей истории XX века, вероятно, нет более мифологизированной темы. Тут постарались все. Русская эмиграция сложила эпос про подлинных героев, которые по определению не могли ничем запятнать свои белоснежные ризы. Советский агитпроп, напротив, показал их сборищем насильников, грабителей и убийц, которые были не способны на соблюдение привычных нравственных основ общества. Оба образа далеки от реальности.

Была военная доблесть, но были и военные преступления. Была любовь к своей России и отсутствие внятной политической программы. Три года кровавых боев и десятилетия политического противостояния на страницах газет и журналов. Все это уже стало историей. Признаться честно, мало кому интересной. Герои кинематографа вроде штабс-капитана Овечкина и шпиона Павла Андреевича уже давно заменили в общественном сознании участников тех драматических событий. Так они и существуют в нашем сегодняшнем представлении: понятная и привычная Гражданская война глазами советского кино и толком не знакомая никому подлинная русская контрреволюция.

С тех событий прошло 100 лет. Это хороший повод рассказать об этих людях. Без шелухи идеологического отдела ЦК КПСС с вечными комиссарами в пыльных шлемах и без панегириков золотым погонам эмигрантского журнала «Часовой». В юбилей тех событий важнее помнить слова блестящего поэта Ивана Савина: «Всех убиенных помяни, Россия, егда при-идише во царствие Твое!»

И еще. Сегодня ряд общественных деятелей пытается продолжать гражданскую войну. Градус их ненависти к тем, кто имеет наглость придерживаться иной точки зрения, давно превысил высокие стандарты 1919 года. Эти люди не способны понять: произнеси они подобные лозунги в ту эпоху, их бы сразу расстреляли. Такой уж была Гражданская война. Вторая русская смута. Еще более кровавая. И поводов для гордости в этом нет.

Глава 1. Штурм Зимнего дворца

Штурм Зимнего дворца занимает особое место среди событий времен Второй русской смуты. В наше нелегкое время чуть ли не каждый месяц появляются все новые теории, освещающие тот период. Большинство из них, конечно, относятся к разряду конспирологических. Да и мы вряд ли сможем поставить точку в историографии Октября 1917 года. Однако нам по силам подвести некие промежуточные итоги.

И первый вопрос, вокруг которого до сих пор не утихают споры: а был ли вообще штурм Зимнего?

Для начала следует сказать несколько слов об истории строения, расположенного по адресу: Санкт-Петербург, Дворцовая площадь, 2/Дворцовая набережная, 38. Строительство пятого по счету здания главного в прошлом императорского дворца было окончено в 1762 году, уже при Екатерине II. С этого времени по 1904 год грандиозное строение в стиле барокко использовалось как официальная зимняя резиденция российских императоров.

Осенью 1915 года несколько залов дворца были отданы под госпиталь для тяжелораненых имени цесаревича Алексея Николаевича. В ходе Февральской революции 1917 года Зимний был занят войсками, поддержавшими восставших. С июля 1917-го дворец являлся резиденцией Временного правительства.

Во время Октябрьской революции, в ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября по новому стилю) 1917 года большевики штурмовали и взяли Зимний дворец, охраняемый лишь юнкерами и женским батальоном. Как известно, в результате Временное правительство было свергнуто и арестовано. Однако воспринимать захват дворца именно как некие боевые действия было бы неправильно. Все произошло без применения значительной военной силы, хотя советскими кинематографистами штурм обычно представлялся как настоящая битва.

Конечно, это событие не только стало поворотным в истории России, но и оказало огромное влияние на международную обстановку на многие последующие десятилетия.

Историки, как правило, говорят, что планы по штурму Зимнего дворца как правительственного центра возникли лишь непосредственно в октябре 1917 года. Однако вопрос взятия власти большевики прорабатывали еще с весны. Причем Ленин не исключал и того, что он будет решен мирным путем и Временное правительство сложит свои полномочия добровольно.

Здесь следует сделать отступление и посмотреть на то, что представляло собой Временное правительство, поскольку обыватель воспринимает его зачастую как некую аморфную массу.

2 марта (по старому стилю) 1917 года император Николай II отрекся от престола; 3 марта отрекся и великий князь Михаил Александрович. Российская монархия пала. Временное правительство пришло на смену думскому Комитету, став единственным законным органом центральной власти и тем компромиссом, к которому вынуждены были прибегнуть Временный комитет и Петроградский совет. Первый воплощал умеренные силы общества и так или иначе являлся более организованной силой по сравнению со вторым. Совет представлял собой не что иное, как действенную, но разрозненную толпу, и потому мог диктовать условия Комитету, но был не в состоянии управлять государством.

18 апреля (1 мая) 1917 года разразился первый правительственный кризис, предпосылкой к которому послужило общее социально-экономическое положение в стране. А главным импульсом, как считается, стала нота П. Н. Милюкова от 18 апреля правительствам Англии и Франции, в которой заявлялось, что Временное правительство будет продолжать войну до победного конца и выполнит все договоры царского правительства. Результатом стали массовые демонстрации и митинги с требованием немедленного прекращения войны, отставки П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова и передачи власти Советам. 5 мая между Временным прави-

тельством и исполкомом Петроградского совета было достигнуто соглашение о создании первого коалиционного правительства с участием социалистов.

Затем были июньский и июльский кризисы, уход большевиков в подполье, формирование второго коалиционного правительства под председательством А. Ф. Керенского, который не был в числе тех, кто свергал царя. Однако именно из его уст с думской трибуны прозвучали слова:

«Исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало».

Тем временем обстановка в стране ухудшалась. Крестьяне так и не получили обещанную землю, среди рабочих тоже росло недовольство. Украина и Финляндия полным ходом двигались к автономии. Солдаты и матросы были массово поглощены идеей классовой революции. России угрожал голод. Авторитет Временного правительства в обществе был крайне низок. В воздухе витали идеи о том, что только сильная власть, и в частности военная диктатура, сможет уберечь государство от окончательного развала.

Офицерство, казачество и многие из тех, кто был в оппозиции по отношению к революционным процессам, стали группироваться вокруг Верховного главнокомандующего генерала Лавра Георгиевича Корнилова, который пользовался огромной популярностью в войсках. Будучи человеком властным, решительным и жестким, Корнилов ввел запрет на митинги на фронте, установил расстрел за дезертирство, существенно ограничил права и полномочия солдатских комитетов.

12 августа 1917 года глава Временного правительства Керенский созвал Государственное совещание, в котором приняли участие помещики, представители буржуазии, офицерство, верхушка казачества и духовенства, генералитет. Несмотря на то что Керенский пытался отстранить Корнилова от политической деятельности, на совещании генерал четко обозначил свою позицию, выступив за установление железной дисциплины, введение смертной казни и полное упразднение Советов.

После совещания Корнилов начал перемещение верных ему частей для подготовки похода на Петроград. 21 августа немецкие войска заняли Ригу, что, с одной стороны, являлось угрозой для Петрограда, а с другой – стало поводом для «наведения порядка». Керенский, разыгрывая свою партию, начинает вести путанные переговоры со Ставкой, посредником в которых выступал князь Львов. Вначале Корнилову были предоставлены значительные властные полномочия в Петроградском военном округе. Но вечером 26 августа на заседании правительства Керенский объявил Корнилова мятежником. В срочной телеграмме, направленной в Ставку, ему предлагалось сложить полномочия и немедленно прибыть в столицу.

Расценив эти требования как провокацию, генерал отказался подчиниться и заявил, что принимает на себя всю полноту власти. Корниловцы продолжили продвигаться к Петрограду. И в тот момент большевики предложили Временному правительству свою помощь в подавлении выступления. В войска Корнилова засылаются агитаторы, а петроградским рабочим раздается оружие. Начинается создание отрядов ополчения – будущей Красной гвардии. Несомненно, все это сыграет немаловажную роль в дальнейших событиях Октября.

Части Корнилова удалось остановить 29 августа, после того как было разобрано железнодорожное полотно на перегоне Вырица – Павловск, а агитаторы убедили восставших солдат сложить оружие и сдаться. Мятеж был подавлен, генерал Корнилов и ближайшие его сподвижники – арестованы.

При этом глава правительства наделил себя чрезвычайными полномочиями, его министры имели право запрещать газеты, съезды, могли санкционировать аресты и высылки. Иными словами, устанавливалась диктатура. Вновь вводилась смертная казнь, что, естественно, не

способствовало популярности Временного правительства. Обе столицы были заняты правительственными войсками.

Керенскому требовалось стабилизировать ситуацию в обществе и продемонстрировать свою приверженность демократии. 1 сентября он формирует новый орган власти – Директорию («Совет пяти»), которая провозглашает Россию республикой и распускает IV Государственную думу. 2 сентября из Крестов на свободу отпускают довольно большую группу социал-демократов, в том числе Троцкого, Каменева и Луначарского, арестованных после июльских событий.

Таким образом, пытаясь упрочить свою власть, Керенский сыграл на руку большевикам. После провала корниловского выступления впервые открыто прозвучал вопрос о формировании однородного социалистического правительства.

14 сентября было созвано Всероссийское демократическое совещание с участием всех политических партий, на котором должен был решаться вопрос о власти. Большевики его демонстративно покинули.

25 сентября Керенский формирует третье коалиционное правительство, в состав которого вошли шесть кадетов, один эсер, три меньшевика, два трудовика, один «независимый» и два военных специалиста. Параллельно велась активная работа по подготовке выборов в Учредительное собрание, в ходе которой все чаще слышалось мнение, что его состав определенно будет левым. Шли поиски компромиссов. Глава правительства старался найти общий язык и с кадетами, и с либералами, и с умеренными социалистами.

Историки сходятся во мнении, что Александр Керенский очень сильно недооценивал большевиков как силу, олицетворявшую недовольство народных масс. Хотя позиция Ленина, начиная с «Апрельских тезисов», была недвусмысленной: никакого доверия Временному правительству. И ведь еще «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская призывала Керенского к жесткой борьбе с «силами анархии», немедленному аресту Ленина и даже требовала посадить его на баржу и потопить в Финском заливе.

Однако, как отмечает доктор исторических наук, главный редактор альманаха «Белая гвардия» Василий Цветков, Александр Федорович искренне считал, что контрреволюции слева опасаться не стоит. Даже если большевики попытаются каким-то образом захватить власть, они будут разгромлены, окончательно дискредитировав себя в глазах демократии. И им ничего другого не останется, как просто расписаться в собственном политическом бессилии. То есть ему, может быть, подсознательно казалось, что если большевики попытаются выступить, с точки зрения их самообличения это принесет наибольшую выгоду. Причем впоследствии и в эмиграции для Керенского врагом номер один оставались не большевики, совершившие переворот в октябре 1917 года, а все те же самые корниловцы.

Также глава правительства не считал Красную гвардию хоть сколько-нибудь серьезной, боеспособной армией. Но при этом преданными ему вооруженными силами Керенский не располагал. В воспоминаниях он говорит об обмане и измене. Например, он обвинял командующего Петроградским военным округом полковника Г. П. Полковникова в поддержке корниловцев, нерешительности и дезориентации Временного правительства в том, что касается обороноспособности органов власти и учреждений в Петрограде. А о военном министре А. И. Верховском, который инициировал назначение Полковникова и командующего Московским военным округом Рябцева, говорил, что тот «был не только не способен овладеть положением, но даже понять его».

Вместе с тем неуверенные действия, метания, а иногда пассивность самого Керенского приближали развязку.

Части Петроградского гарнизона, от которых он хотел избавиться как от самых ненадежных, переходили на сторону большевиков. То же случилось и с частями, направленными в Петроград с фронта. Народная милиция, созданная вместо полиции, оказалась недееспособной.

Наверное, любому человеку, заставшему времена СССР, знакома история о том, как во время октябрьских событий Керенский сбежал из Зимнего дворца в женском платье, переодевшись сестрой милосердия (по другой версии – горничной). Но вряд ли этот миф является продуктом советской пропаганды. Как считает историк В. Ж. Цветков, в данном случае, по-видимому, следует говорить о народном творчестве, возможно, навеянном ассоциациями с женским батальоном, защищавшим Зимний дворец. Или же это анекдот, придуманный с целью унижить политического противника.

По утверждению самого Керенского, он уезжал из дворца в обычном френче и сопровождал его автомобиль американского посла, который ему был предложен американскими дипломатами. Кстати, есть свидетельства, что этот автомобиль был захвачен адъютантами главы Временного правительства, а не предоставлен посольством. А переодевался Керенский в матроса, и было это в Гатчине, откуда ему удалось уйти в бушлате с поднятым воротником, бескозырке и автомобильных очках.

Раз уж мы заговорили о мифах, нельзя не затронуть и вопрос о том, как генерал Краснов был отпущен из-под стражи большевиками под честное слово никогда не сражаться против Красной гвардии. Общеизвестно, что в дальнейшем он уехал на Дон и возглавил антибольшевистское восстание казаков, с легкостью нарушив обещание. Так давал ли он его на самом деле? Большинство историков согласны с тем, что этот факт имел место, ведь освобождали и многих других офицеров, как это произошло, например, с монархистом В. М. Пуришкевичем. Также позволили уйти и юнкерам из Зимнего дворца. И в этом нет ничего необычного: репрессивного аппарата у партии большевиков на тот момент не существовало.

По-иному обстоит дело с оценками данного факта. И зависит это, как представляется, в том числе от формулировок. Так, В. Г. Науменко писал об атамане П. Н. Краснове следующее:

«Ставили ему в вину, во-первых, нарушение слова, им данного в 1917 году, при выпуске из тюрьмы в Быхове, что он не будет сражаться против большевиков. Петр Николаевич говорил, что не считал себя обязанным соблюдать слово, данное большевикам...»

Г. П. Чеботарев сообщает об этом так: Краснов «подписал обязательство не поддерживать связи с войсками» (то есть с казаками 3-го корпуса).

В мемуарах Н. И. Подвойского можно найти следующее свидетельство:

«...От Краснова и от казаков было взято обещание под честное слово, что они не будут бороться против Советской власти».

Похожую формулировку встречаем и у П. Д. Малькова, коменданта Смольного:

«Отпустили самого генерала Краснова, руководителя первого мятежа против Советской власти, захваченного в Гатчине. А он, дав слово не воевать против Советов, вышел на свободу и был таков. Удрал на Дон и стал во главе тамошней белогвардейщины. Вот тебе и офицерская честь, генеральское честное слово!»

А вот в обвинительной речи Н. В. Крыленко звучали такие слова:

«Мы можем вспомнить пример генерала Краснова, который в Смольном клялся словом русского генерала, что он не изменит рабочим и крестьянам; однако после этой клятвы он убежал на Дон и за этот акт нашего милосердия отплатил тем, что на целые версты украсил дороги виселицами рабочих».

Историк В. Ж. Цветков считает, что если Краснов обещал не выступать против трудового народа, то он не испытывал каких-то особых угрызений совести, ведь в его представлении

большевики не отождествлялись с народом. К трудовому народу как раз таки можно было отнести казаков, которых он возглавлял.

Да и если посмотреть на социальный состав защитников Временного правительства, то окажется, что это были отнюдь не дворяне, не представители высшего сословия. Те самые юнкера, вставшие на защиту Зимнего дворца, были не кем иным, как выпускниками Петергофской и Ораниенбаумской школ прапорщиков, то есть солдатами-разночинцами, которые проходили ускоренный курс подготовки офицеров и отправлялись обратно на фронт. То же относится и к Женскому ударному батальону, в составе которого были и крестьянки, и простые сельские учительницы.

Как замечает В. Ж. Цветков, с выступлением на защиту правительства представителей военных училищ Петрограда вообще сложилась интересная ситуация. Все они получили директивы от полковника Полковникова выдвигаться на Дворцовую площадь для обороны законной власти. Но в реальности попытку пройти к Зимнему дворцу осуществило только Владимирское училище. Причем юнкера смогли добраться лишь до Петроградского телеграфного агентства. После его неудавшегося захвата владимирцы были разоружены. Впрочем, через несколько дней военные училища, в том числе Владимирское, Николаевское инженерное, частично Николаевское кавалерийское и Константиновское артиллерийское, выступили против большевиков.

Кстати, Керенский осознавал, что юнкера не желали защищать ни его лично, ни Временное правительство, а надеялись, что после его свержения в стране будет установлена сильная диктаторская, национально ориентированная правая власть. Таким образом, он не мог в полной мере рассчитывать на эту силу.

Наверное, не будет ошибкой утверждать, что наиболее мифологизированной страницей истории Октябрьской революции является выстрел линейного бронепалубного крейсера «Аврора».

Ведь именно с ним долгое время отождествляли начало штурма Зимнего дворца. Потом зазвучали мнения, что как такового залпа с корабля вообще не было, иначе на месте Зимнего осталась бы одна воронка, а прилегающие к нему районы были бы разрушены.

Прежде всего обратимся к терминологии. Залпом называют одновременный выстрел всех бортовых орудий. Однако официальной советской пропаганде было выгодно так говорить о единственном холостом выстреле из шестидюймового носового орудия «Авроры», что подчеркивало мощь революционного оружия.

Миф об обстреле Зимнего с крейсера опровергали и военные: корабль, действительно снискавший боевую славу в Русско-японской и Первой мировой войне, с 1916 года проходил капитальный ремонт, а значит, боезапаса на нем к моменту октябрьских событий быть не могло.

Еще одним мифом о знаменитой «Авроре» является утверждение с уходом в другую крайность: якобы выстрел корабля являлся лишь сигналом сверки времени революционной эскадры. Эта версия также является ошибочной. Вряд ли имелась необходимость в пушечном выстреле посреди Петрограда, а для контроля времени на самом корабле использовались склянки.

Как рассказывает В. Ж. Цветков, по Зимнему дворцу было выпущено, по разным оценкам, от пятнадцати до тридцати снарядов из Петропавловской крепости. Причем обстрелу подвергся третий этаж, где, как считали стрелявшие, располагались кабинеты правительства. Но Керенского к тому моменту в Зимнем уже не было. Третий этаж был пустым. С началом обстрела заседавшие министры переместились из Малахитового зала в Малую столовую. Таким образом, если жертвы от выстрелов орудий и были, то их количество было минимальным.

Но вернемся к центральному эпизоду революционных дней – захвату Зимнего дворца восставшими солдатами и матросами. Долгое время весь мир представлял это драматическое событие по кадрам фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь», которые воспринимались в советское время как кинохроника. Поток штурмующих бежит по галерее и Иорданской лестнице. На самом деле основная масса наступавших проникла во дворец через Октябрьский подъезд. Но Октябрьская лестница выглядела менее эпической и не соответствовала замыслу режиссера.

Продвижение же через главный вход было куда более символичным. Именно так должна была побеждать Великая революция.

Еще один запоминающийся миф о революционных событиях связан с фразой из поэмы Владимира Маяковского «Хорошо!»: «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время». Как известно, она приписывается революционеру В. А. Антонову-Овсеенко, который действительно в составе штурмующих вошел в Малую столовую и произвел арест членов правительства по описи, где они были указаны пофамильно. Что касается самой фразы, то, конечно, эти слова являются художественным вымыслом поэта.

К огромному сожалению, в нашем обществе по-прежнему живут и процветают конспирологические теории. В этом же ряду находится нередко звучащее в последние годы утверждение о том, что всех арестованных в Зимнем дворце незамедлительно расстреляли в Петропавловской крепости. Как отмечает историк В. Ж. Цветков, ни один из оказавшихся в Петропавловской крепости министров не был подвергнут самосуду или немедленному расстрелу. А министров-социалистов отпустили буквально на следующий день.

Первой жертвой нового режима следует считать и отнюдь не Б. В. Штюмерера, как можно иногда услышать сегодня. Экс-министр иностранных дел был арестован после Февральской революции и скончался в тюремном госпитале от болезни, а вовсе не был убит большевиками. В плане партийного политического террора в числе первых трагическая участь постигла известных юристов, кадетов, бывших членов Временного правительства А. И. Шин-гарева и Ф. Ф. Кокошкина, которые были застрелены в Мариинской тюремной больнице солдатами караула. Но произошло это гораздо позже, в ночь на 7 января 1918 года.

Конечно, нельзя не затронуть, пожалуй, главный вопрос, по-прежнему волнующий многих наших современников. Петроградский военный округ. Казармы лейб-гвардейских полков. В городе достаточно много офицеров. На следующий день выходит единственная небольшевистская газета «Наше общее дело», которую редактировал В. Л. Бурцев, с призывом: «Граждане! Спасайте Россию!». Почему никто не спасал страну? Неужели все верили в то, что новое правительство способно вывести страну из кризиса, или общество просто не понимало того, о чем говорили большевики?

По мнению В. Ж. Цветкова, Ленин поднимал действительно насущные для России вопросы. Это и прекращение войны, и борьба с голодом, и земельный вопрос, и доступ рабочих к контролю над предприятиями. Но самое главное, данные инициативы шли снизу, от Советов, а не вытекали из манифеста великого князя Михаила Александровича, наделившего всей полнотой власти Временное правительство. С другой стороны, те силы, которых очень боялся Керенский и которые он считал контрреволюцией справа, на тот момент были недостаточно консолидированы.

Тем не менее попытки оказать организованное сопротивление большевикам предпринимались, о чем свидетельствует, в частности, деятельность генерала М. В. Алексева, занимавшегося созданием Алексеевской организации – «кадра новой армии», которая «могла бы противостоять... немецко-большевистскому нашествию». Но хотя подобные офицерские отряды старались каким-то образом взять ситуацию в Петрограде под контроль, а из Городской думы, являвшейся после ареста правительства единственным легитимным органом власти, раздавались призывы, наносившие определенный ущерб большевикам, всего этого было явно недостаточно. Ленин наращивал политическую и пропагандистскую мощь, издавая декрет за декрет

том: Декрет о мире, Декрет о земле, Декрет о полноте власти Советов. «И их воздействие было сильнее, чем какие бы то ни было споры о легальности, легитимности, правовом характере действий и т. д.», – заключает В. Ж. Цветков.

Те, кто увлекается историей, наверняка интересовались следующим фактом. Общеизвестно, что во время октябрьских событий и сразу после них, скажем, с 1917 и по 1927 год, сами большевики называли произошедшее переворотом. Впоследствии это слово ушло навсегда, и восстание 1917 года стало именоваться Великой Октябрьской социалистической революцией.

По мнению В. Ж. Цветкова, это можно объяснить стремлением новой власти показать населению, что какого-то резкого разрыва и перехода от одного общественного строя к другому не должно быть. Большевики старались продемонстрировать, что продолжается демократизация, страна идет по пути, на который она вступила в феврале 1917 года. Переворот – это не то, что ломает сложившуюся систему, а то, что ее каким-то образом корректирует. Ведь большевики, и в частности Ленин, в первые дни после прихода к власти, впрочем, как и до этого, заявляли, что Учредительное собрание будет созвано. Медлит же с этим именно Керенский, а Ленин, наоборот, хочет ускорить процесс.

Все это выглядело так, словно преемственность сохранялась, но ленинский курс входил в противоречие со сложившейся правовой системой. Например, Декрет о земле и отмена частной собственности на землю ставили крест на всех гражданских правоотношениях, которые регламентировались еще сводом законов Российской империи. Естественно, их нужно было менять. И здесь Ленин проявил решительность – в отличие от Временного правительства. Так постепенно от формального понимания событий как переворота Россия все больше углублялась в революцию, то есть в радикальную и бесповоротную смену одного общественного строя другим.

В дальнейшем это усилило гражданское противостояние и в совокупности с другими факторами привело к гражданской войне. Но здесь нужно четко понимать, что штурм Зимнего дворца сам по себе являлся не основной предпосылкой к ней, а лишь одним из этапов сложнейшего процесса.

Думаю, что ни одному историку, занимавшемуся изучением событий Октября 1917 года, не удалось избежать поисков ответа на вопрос: кто же все-таки в наибольшей степени несет ответственность за произошедшее? Большевики, которым удалось набрать силу; полностью несостоятельный Керенский со товарищи; неполитизированное офицерство в полном составе; вся русская интеллигенция, которая была воспитана на идеях непротивления злу насилием?

Сегодня мы можем утверждать вполне определенно: к Октябрьской революции привело множество факторов, наслонившихся друг на друга, а предпосылки к ней вызревали долгое время. В. Ж. Цветков считает, что корень событий следует искать в тех процессах, которые происходили в Российском государстве еще до Первой мировой войны.

После 1905 года наступил период думской монархии, так или иначе развивалось сотрудничество власти и общества, Россия шла по пути демократизации. И в то время совершенно не нужно было отказываться от монархической формы государственного устройства, поскольку она вполне могла бы воспринять систему демократических институтов. Вместе с тем появилась необходимость создания выборных структур власти, которые бы могли взаимодействовать с населением. Требовалось обеспечить представительство рабочих в управлении производством. Нужно было срочно решать земельный вопрос. И в авангарде процессов демократизации встали большевики, в то время как либералы, по выражению Ленина, плелись в хвосте революционных событий.

Однако преобразования приняли чересчур радикальные формы. То есть произошла революция, а не эволюция. Катализаторами радикализации, по мнению В. Ж. Цветкова, явились три основных фактора. Во-первых, это война, которую следовало закончить до осуществ-

ления демократических реформ. Во-вторых, это экономический кризис, который ярко продемонстрировал, что выдержать такую нагрузку ослабленная экономика России не способна. И в-третьих, после отречения Николая II и непринятия престола Михаилом Россия лишилась священного символа власти, а общество – своего незыблемого стержня. В результате обыватель зачастую с апатией смотрел на то, как одни политики сменяют других. Власть теперь не обладала ореолом сакральности.

Еще более важно то, что штурм Зимнего послужил началом консолидации русской контрреволюции. Россия сделала последний шаг в сторону гражданской войны. Взаимная ненависть станет преобладающей идеей в стране на ближайшие три года.

Глава 2. Анафема патриарха Тихона

Тему отношений государства и Русской православной церкви накануне революции и в первые годы после нее нельзя назвать в полной мере изученной отечественной исторической наукой. Хотя интерес к ней с усилением роли Церкви в жизни страны начиная с 1990-х годов, безусловно, возрос. Тем не менее эта страница нашей истории, как и многие другие, относящиеся к данному периоду, полна разнообразных мифов и легенд.

До 1917 года Русская православная церковь была полностью подчинена государству. Царь являлся главой церкви и имел верховное право защищать и хранить догматы «господствующей веры», «блюсти правоверие» и «всякое в церкви святой благочиние». Непосредственным управителем церковных дел закон объявлял Святейший правительствующий синод, состоявший из назначенных монархом представителей черного и белого духовенства. Наибольшим влиянием на решения Синода обладал его обер-прокурор, который делал регулярные доклады царю.

Здесь мы должны бросить беглый ретроспективный взгляд на важнейшие события февраля-марта 1917 года. После оглашения утром 27 февраля царского указа о роспуске Государственной думы депутаты решили продолжить заседания в «частном порядке». Днем того же дня Совет старейшин Думы образовал особый орган для «сношения с армией и народом» – Временный комитет Государственной думы. 1 марта на его заседании был составлен список революционного правительства. Должность обер-прокурора Синода получил председатель думской комиссии по делам православной церкви князь Владимир Николаевич Львов.

На своем первом заседании 2 марта Временное правительство определило собственный государственно-правовой статус, заявив, что ему принадлежит вся полнота и законодательной, и исполнительной власти. Дума отстранялась от дел, а основные законы признавались утратившими силу вплоть до принятия новых Учредительным собранием. После отречения государя императора и великого князя Михаила Александровича Временное правительство получало всю полноту верховной власти в России.

Из знаменитого лозунга «За веру, царя и Отечество» неожиданно оказалось исключенным слово «царь». Многие историки считают, что именно с этого момента началось обрушение православной веры на фронтах. Отречение царя многие солдаты восприняли как освобождение их от клятвы и перед ним, и перед Богом, и перед Отечеством. Вне всяких сомнений, это накладывало огромный отпечаток на деятельность церкви и отражалось на церковно-государственном взаимодействии. Но попыток удержать пошатнувшийся монархический строй со стороны Священного синода, как мы знаем, предпринято не было.

В феврале-марте 1917 года внутри церкви сложилась очень серьезная ситуация. По настоянию обер-прокурора В. Н. Львова Святейший синод уволил на покой петроградского митрополита Питирима. Московский митрополит Макарий был удален с Московской кафедры с оставлением в звании члена Святейшего синода. Они оба подозревались в связях с Распутиным. По всей стране начались увольнения архиереев, обвиняемых в поддержке старого режима. 14 апреля Львов инициировал издание указа Временного правительства о роспуске Святейшего синода. Только один человек из прежних членов вошел в новый состав Синода. Им стал архиепископ Сергей Страгородский, который должен был заниматься подготовкой Всероссийского поместного собора.

Здесь надо сказать, что если о церковной жизни Николая II известно достаточно много, в частности, об этом довольно подробно писал протопресвитер Георгий Шавельский, то вопрос о взаимоотношениях членов Временного правительства с Русской православной церковью практически никак не изучен.

Как отмечает известный религиовед, доктор исторических наук, а ныне министр образования и науки Российской Федерации О. Ю. Васильева, Временное правительство отделяло церковь от государства, но при этом оставляло обер-прокуратуру. На вопрос о причинах этого князь Львов не давал прямого ответа, рассуждая о неких идеологических или культурологических связях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.